

ДОЛГОСРОЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

А.И. Подберёзкин, М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В данной статье предлагается подход к долгосрочному прогнозированию развития международных отношений, основанный на анализе изменения диалектики войны и мира. Долгосрочные тенденции развития форм и проявления насилия в международных отношениях, а также способов и подходов к его ограничению и управлению определяет и развитие международных отношений. При решении методологической проблемы долгосрочного прогнозирования развития макросоциальных систем необходимо исходить из того, что простая механическая экстраполяция даже на среднесрочную перспективу не имеет смысла.

Ключевой современной тенденцией в сфере политического насилия является стирание различий между миром и войной. Данную тенденцию можно описать как сетевизацию войны. Теория сетевой войны представляет собой модель военной стратегии в условиях постмодерна. Как основанные на информации и высоких технологиях модели новой экономики сегодня доказывают своё превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетевые войны претендуют на качественное различие с прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (модерна). В современной политической сети насильственные и ненасильственные инструменты влияния существуют в нерасчленённом виде. Сетевая политика становится тотальной.

Победа в сетевой войне заключается в конечном итоге в том, что соперник должен стать частью сети. Так как сеть формируется вокруг разделяемых ценностей, то сетевую войну можно свести к войне ценностей, которая ведётся насильственными и ненасильственными методами. Столкновение между сетями будет, скорее всего, носить бескомпромиссный характер, так что в конце останется лишь одна сеть. Бескомпромиссность сетевой войны походит на бескомпромиссность религиозных войн и столкновений цивилизаций.

Ключевые слова: прогнозирование, международные отношения, сетевая война, теория сложных адаптивных систем.

Построение сценариев развития международных отношений является одной из ключевых задач международных отношений как научной дисциплины. Следует признать, однако, что с этой задачей исследователи-международники справляются неудовлетворительно. Достаточно вспомнить распад Советского Союза, который для многих учёных, в том числе и западных советологов, оказался неожиданным. Наука не смогла предсказать исчезновение второго полюса силы в биполярной системе международных отношениях. Вопрос прогностической состоятельности данной науки остается острым. Однако необходимость сценарных прогнозов развития международных отношений для эффективного национального военного и экономического планирования сохраняется и ничего надёжнее научного подхода для этих целей пока не придумано.

В данной статье предлагается подход к долгосрочному прогнозированию развития международных отношений, основанный на анализе изменения диалектики войны и мира. Война, или политическое насилие в целом, по-прежнему остаётся ключевым вопросом и фактором развития международной жизни. Мы склонны согласиться с Н. Элиасом в том, что история человеческой цивилизации – это история обуздания насилия, одомашнивания человеческой природной дикости [1]. Долгосрочные тенденции развития форм и проявления насилия в международных отношениях, а также способов и подходов к его ограничению и управлению, определяет и развитие международных отношений.

Международные отношения являются социальной, а не естественной, реальностью [6]. Социальные отношения структурируются отношениями разрушения (политика) и отношениями производства (экономика). Государства, которые продолжают оставаться основными акторами международных отношений, как правило, специализируются на отношениях разрушения, а производством заняты города [5]. Поэтому до тех пор, пока государства будут оставаться ключевыми участниками международных отношений, эти отношения будут структурироваться в большей степени политическим насилием.

При решении методологической проблемы долгосрочного прогнозирования развития макросоциальных систем необходимо исходить из того, что простая механическая экстраполяция даже на среднесрочную перспективу не имеет смысла. Оценивая военно-политическую обстановку для СССР и ОВД в 1985 г., никто не предполагал, что уже через 6 лет не будет ни СССР, ни ОВД. Тем более никто не предполагал, прогнозируя развитие военной мощи СССР и ОВД, что десятки тысяч танков, самолетов и другой военной техники будут уничтожены, а создание новых образцов ВВТ прекращено на долгие годы. Более современный пример из экономической области: формируя российский бюджет

в 1999 г., исходили из цен на нефть в 17 долл. за баррель (которые просуществовали в диапазоне 17–27 долл. 4 года – до 2003 г.), однако уже через 9 лет они превысили 90 долл. за баррель [3, р. 6]. При этом добыча и продажи устойчиво росли, что привело к резкому росту ВВП и доходной части бюджета, включая оборонного, который в итоге вырос более чем в 10 раз.

Для того, чтобы избежать механическую экстраполяцию настоящего в будущее, любую выделенную долгосрочную тенденцию (в том числе и в сфере политического насилия) необходимо постоянно уточнять, то есть долгосрочный прогноз развития международных отношений должен быть открыт для коррекции. Для уменьшения неопределённости важным условием надёжного прогнозирования является неоднократное повторение сценариев для различных условий. Хотя предполагается, что разрабатываемые стратегии не должны меняться в течение продолжительного периода, в реальности они постоянно должны пересматриваться.

Поскольку неожиданное развитие событий будет иметь место в любом случае, планирование должно обеспечить общие средства и возможности, а также организационную гибкость для адаптации к непредвиденным обстоятельствам. Таким образом, гибкость является частью эффективного планирования и позволяет «справиться» с неожиданностью, как неотъемлемым свойством реальности.

Ключевой современной тенденцией в сфере политического насилия является стирание различий между миром и войной. Данную тенденцию можно описать как сетевизацию войны. Следует сразу оговориться, что сетевая война не приравнивается к сетевизации войны [2]. Сетевизация войны понимается в научной литературе как повышение боевых возможностей перспективных формирований в современных войнах и вооружённых конфликтах за счёт достижения инфокоммуникационного превосходства, объединения участников боевых действий в единую сеть. Сетевая война понимается иначе. Это сетевое объединение военных и невоенных факторов влияния для решения политической задачи.

Сетевая теория войны основана на фундаментальном делении циклов человеческой истории на три фазы – Аграрная, Промышленная и Информационная эпохи, каждой из которых соответствуют особые модели стратегии. Этим эпохам строго соответствуют социологические понятия – преמודерн, модерн и постмодерн. Информационная эпоха – это период постмодерна, который проходит сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь, США) переходят к качественно новой фазе. Теория сетевой войны представляет собой модель военной стратегии в условиях постмодерна. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капи-

■ Международные отношения и мировая политика

талистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетевые войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (модерна).

«Сеть» представляет собой новое пространство – информационное пространство, в котором и развёртываются основные стратегические операции – как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. «Сеть» в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие, которые ранее рассматривались строго раздельно. Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этно-психология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т.д. все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен.

Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в одном: создание мощной и всеобъемлющей сети, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. Война становится сетевым явлением, а военные действия – разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы – всё это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети составляет сущность военной реформы ВС США.

Классическая формула «война – продолжение политики насильственными средствами» уже во многом устарела. Узнаваемые маркеры войны и мира исчезают. Политика в этом смысле трансформируется, прежние иерархические деления меняются на новые – сетевые, но остается прежний *raison d'être* её существования – достижение цели. В современной политической сети насильственные и ненасильственные инструменты влияния существуют в нерасчленённом виде. Сетевая политика становится тотальной. «Гибридная война» на Украине является ярким примером сетевизации войны и тотальности политики.

Важным аспектом сетевой войны, объединяющим её с сетевизацией войны, является теория сложных адаптивных систем [4]. Учётная непредсказуемость и изменчивость любой военной операции, подходить к военному планированию как к решению линейного уравне-

ния было бы неправильно. Война – это сложная система, которая имеет свою логику развития на всех уровнях планирования. Эффективность боевых действий определяется способностью и командования, и непосредственных участников боестолкновений оперативно адаптироваться к изменениям этой логики. Исходя из теории сложных адаптивных систем, такая способность может быть только при самоорганизации комбатантов. Поэтому управление боевыми действиями должно происходить по алгоритму управления сложными адаптивными системами. Осуществляется оно через контроль информации, поступающей в сеть комбатантов. Информация провоцирует синхронизацию сети и возникновение общего сетевого действия или поведения.

Теория сложных адаптивных систем применима и для описания сетевой войны. Управление сетью, состоящей из военных и невоенных акторов, осуществляется через информацию, которая структурирует и направляет поведение сети. Сеть действует самостоятельно, обрабатывая импульсы среды. Осуществлять жёсткий контроль над сетью невозможно. Однако можно контролировать импульсы среды, а также нормативную структуру сети, определять правила включения/исключения из сети. Победа в сетевой войне заключается в конечном итоге в том, что соперник должен стать частью сети. Так как сеть формируется вокруг разделяемых ценностей, то сетевую войну можно свести к войне ценностей, которая ведётся насильственными и ненасильственными методами. Конфликт ценностей в отличие от конфликта интересов не допускает компромиссов. Вестфальская модель мира, формирование которой началось после окончания 30-летней войны в Европе в XVII в., основана на интересах. Возможно, мы наблюдаем сегодня трансформацию политической модели мира национальных государств в политическую модель мира сетей. Столкновение между сетями будет, скорее всего, носить бескомпромиссный характер, так что в конце останется лишь одна сеть. Бескомпромиссность сетевой войны походит на бескомпромиссность религиозных войн и столкновений цивилизаций.

Как будет выглядеть долгосрочный прогноз сетевого конфликта в международных отношениях? Основываясь на анализе цветных революций, можно предположить реальные фазы сетевого конфликта. Рассмотрим данные фазы на гипотетической сетевой войне против России. Это позволит нам от исключительно теоретического анализа перейти к прикладному сценарному анализу, основанному на соответствующих военных документах.

Сетевая атака на государство начинается с выбора одной-двух проблем в самоидентификации государства и системе его национальных ценностей. В качестве наиболее вероятных проблем для России скорее всего будут продвигаться две: во-первых, «авторитаризм»

(антидемократизм, антинародность) власти, «преступность» её вертикали и т.п., а, во-вторых, патриотизм (национализм) и культурная самоидентификация русской нации. Удобство параллельного выдвигания этих проблем заключается в их абсолютной совместимости: «авторитаризм бескультуры русских» – как главной формулы борьбы против нации и государства.

Основные средства борьбы на данном этапе представляют собой очень широкий спектр средств ведения войны – от культурно-информационных до поставок самых современных ВиВТ в «очаги сопротивления» русскому авторитаризму и попыток международной изоляции России и формирования против неё широкой коалиции не только в Европе, но и в мире. Особенное значение приобретает подготовка вооружённого гражданского «протеста» против власти, включая самых современных средств борьбы.

На втором этапе происходит продолжительное развитие выбранной проблемы, стоящей перед государством и нацией, превращение её в основную для развития государства. В эту задачу входит окончательная секьюритизация идеи «русского авторитаризма», превращение этой частной идеи в доминирующую угрозу. При этом в международном дискурсе должно формироваться представление, согласно которому «русский авторитаризм» угрожает международной стабильности и миру.

Важно подчеркнуть, что эта угроза должна выглядеть абсолютно реальной и быть подкреплена не только СМИ, но и «варварством российской оккупации», «неспособностью развивать демократические и рыночные институты», «агрессивностью» в отношении простых людей цивилизованных стран и, конечно же, обязательными ритуальными жертвами демократии.

На третьем этапе происходит организация массовых антиправительственных выступлений населения. Задачей данного этапа сетевой войны является придание этим выступлениям обычный, повседневный характер, превратив их в массово-агрессивное явление. В абсолюте это – создание крайне нестабильной общественно-политической обстановки (как в 1991 г. в СССР) с тем, чтобы дезориентировать элиты и общественное мнение.

При этом важно отметить, что традиционные средства борьбы против протестующих оказываются малоэффективными. Кроме развития специальных ВиВТ, необходимо и создание специальных сил для борьбы с внутренними беспорядками, которые пока что ассоциируются только с внутренними войсками. У этих сил должны быть в полной мере развиты разведывательные и контрразведывательные оперативные возможности, системы информации и связи, транспорта и т.д.

На четвёртом этапе необходимо организовать первые жертвы среди протестующих и демонстрантов. Очень важный этап в сетевой борьбе с противником наступает после появле-

ния первых жертв, которые становятся мгновенно «сакральным знаменем» борьбы. Это хорошо видно на примере всех «цветных» революций – от Сирии и до Турции. Появление первых жертв даёт информационный и моральный повод для перехода на силовую ступень эскалации.

На пятом этапе происходит призыв к «мировому сообществу» не допустить геноцида народа, общества, нарушения демократических прав и свобод. Призыв к мировому сообществу означает фактический ультиматум власти – угроза политического преследования, репрессий по отношению к родственникам за границей, арест активов и т.д.

На шестом этапе организуется террор представителей государственной власти. На этапе эскалации конфликта очень важен психологический и физический террор представителей власти и членов их семей, которые, как правило, не защищены от внешнего силового воздействия. Угрозы по телефону, расклейка угрожающих листовок и плакатов, хулиганские действия против родственников оказываются очень эффективным средством воздействия. Эти угрозы очень быстро перерастают в открытый террор против представителей власти – поджоги квартир и машин, стрельба становятся нормой и средством прямого физического воздействия.

На седьмом этапе происходит дискредитация и разрушение органов государственной власти в городах, районах, регионах страны. Этот этап предполагает захват органов государственного управления, связи, СМИ и других важнейших объектов, лишение власти функций реального управления, которые так или иначе связаны с офисом и системами связи.

На восьмом этапе наступает естественное ухудшение экономического положения населения. Борьба за власть и контроль над органами управления неизбежно ведёт к дезорганизации экономической жизни страны. Причём сознательно применяются меры вполне диверсионные по своему характеру. Так, один из старших офицеров управления по борьбе с экономическими преступлениями КГБ СССР (!) организовывал нашумевшие забастовки в Кузбассе. Позже, в начале 1990-х гг., этот подполковник «всплыл» в США уже как гражданин этой страны.

Без серьёзного ухудшения общеэкономической ситуации массовые протесты не поддержатся долго. Нужны пустые полки, чтобы не хватало детского питания, чтобы дефицит был повсеместным. Организация искусственного дефицита, кстати, – особенная тактика, связанная не только с дезорганизацией торговли, но и с прямым уничтожением продуктов питания и массового потребления. Так, в одном из регионов страны в 1991 г. хранились запасы чуть ли не для всей страны детского питания, а в другом – сахара, мука.

На девятом этапе происходит организованное вооружённое сопротивление органам

Этапы гипотетической сетевой войны.

10.	Формирование миграционных потоков беженцев как внутри страны, так и за границу.
11.	В случае жизнеспособности государства – организация гуманитарной катастрофы.
12.	Призыв к действующим представителям законодательной и исполнительной власти государства к массовому переходу на сторону оппозиции.
13.	Террор против представителей проправительственной интеллигенции.
14.	Обвинения правящего режима в чрезмерной и неадекватно жесткой реакции правительства на «мирные» требования «населения».
15.	Призыв к «мировому сообществу» признать антинародным и незаконным действующее правительство.
16.	Формирование «марионеточного» правительства, способного вести враждебные военные действия.

государственной власти. Переход к организации систематического вооружённого сопротивления государственной власти происходит, как правило, незаметно. Здесь важно отметить, что на этом этапе происходит уже «размывание» силовых структур, которые частично или в своем большинстве начинают ориентироваться на оппозицию. У них, безусловно, есть вся оперативная информация о деятельности оппозиции, но они не дают ей хода, как правило, из-за политической позиции руководства.

Следующие (10–15 этапы, см. таблицу) этапы развития алгоритма действий по разрушению государства можно опустить в силу их очевидности, остановившись сразу же на 16 этапе, где речь идёт о формировании «марионеточного правительства».

Смысл «марионеточного правительства» – выполнить поставленную внешними силами задачу по встраиванию государства в атакующую сеть. По сути дела это квазиправительство, управляемое извне, является «облачным противником» для России: формально с ним поддерживаются дипотношения, ведутся переговоры, учитывается его позиция и т.д. На самом деле

это – «облачный противник», которым манипулируют до конца неизвестные силы. В итоге атакуемое государство становится частью сети, частью чужого ценностного кода.

Руководству России необходимо учитывать эту новую реальность политического при военном и экономическом планировании. Сетевизация политики позволяет резко увеличить эффективность достижения поставленных целей, так как в сети все факторы усиливают друг друга, от военного, до медийного. Поэтому использование сетевых принципов организации внешней политики может позволить усилить стратегическую составляющую в сценарном планировании, то есть позволит формировать необходимую реальность, а не пытаться угадать её. Есть основания полагать, например, что активная и эффективная внешняя и военная политика России в Евразии может привести при благоприятных условиях к появлению после 2021–2022 гг. принципиально нового, российско-ориентированного сценария развития международно-политической обстановки в Евразии и мире.

Список литературы

1. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001. Т.1. 332 с.
2. Cebrowski A. K., Garstka J. J. Network-centric warfare: Its origin and future // US Naval Institute Proceedings. 1998. Vol. 124. №. 1. P. 28–35.
3. Konończuk Wojciech. Russia's Best Ally. The Situation Of The Russian Oil Sector And Forecasts For Its Future. Center for Eastern Studies (OSW), 2014. 68 p.
4. Moffat J. Complexity theory and network centric warfare. DIANE Publishing, 2010. 201 p.
5. Scott J. C. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. Yale University Press, 1999. 464 p.;
6. Taylor P. J. World city network: a global urban analysis. Psychology Press, 2004. 256 p.
7. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge University Press, 1999. 447 p.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ "Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений" № 14-18-02973.

Об авторах

Подберёзкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru.

LONG-TERM SCENARIO OF INTERNATIONAL DEVELOPMENTS

A.I. Podberezkin, M.V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This paper proposes an approach to long-term scenario building in international relations, based on the analysis of changes in the dialectics of war and peace. Long-term trends in the development of forms and manifestations of violence in international relations, as well as the methods and approaches to its control and management determines the development of international relations. In solving the methodological problem of long-term forecasting, it must be assumed that the mere mechanical extrapolation even in the medium term has no meaning. The key current trend in terms of political violence is a blurring of the distinction between war and peace. This trend can be described as networking of war. Network war theory is a model of military strategy in the context of postmodernism. As a model of the new economy based on information and high technologies demonstrates its superiority over traditional capitalist and socialist models of the industrial age, and network war claims qualitative superiority over previous strategic concept of the industrial era. In modern political networks violent and non-violent instruments of influence co-exist in undifferentiated form. Network politics becomes total. Victory in the network war is the fact that the opponent should become part of the network. Since the network is formed around shared values, the network war can be reduced to a war of values. The clash between the networks will most likely wear un-compromising nature, so that in the end there will be only one network. Uncompromising network war is like the uncompromising religious wars and clashes of civilizations.*

Key words: forecasting, international relations, network war, the theory of complex adaptive systems.

References

1. Elias N. O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia. [The civilizing process: State formation and civilization]. Moscow, St. Petersburg, 2001. 332 p. (In Russian)
2. Cebrowski A. K., Garstka J. J. Network-centric warfare: Its origin and future. US Naval Institute Proceedings, 1998, vol. 124, no. 1, pp. 28-35.
3. Konończuk Wojciech. Russia's Best Ally. The Situation Of The Russian Oil Sector And Forecasts For Its Future. Center for Eastern Studies (OSW), 2014. 68 p.
4. Moffat J. Complexity theory and network centric warfare. DIANE Publishing, 2010. 201 p.
5. Scott J. C. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. Yale University Press, 1999. 464 p.;
6. Taylor P. J. World city network: a global urban analysis. Psychology Press, 2004. 256 p.
7. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge University Press, 1999. 447 p.

About the authors

Alexey I. Podberezkin – Director of Center for Military and Political Studies, Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Maxim V. Kharkevich – Candidate of Political Sciences, assistant professor at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru.